

Научная статья

УДК 94(571.1)“16” + 910.4(571.5)“16”

doi: 10.17223/19988613/99/5

Атаман Дмитрий Копылов и его потомки на службе в Сибири в XVII в.: штрихи к портрету русского землепроходца

Иван Павлович Каменецкий

*Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия, kameneckiiivan@mail.ru*

Аннотация. Представлена служебная характеристика одного из видных представителей сибирского служилого мира и землепроходческого движения – томского казачьего атамана Дмитрия Копылова. Выяснено его происхождение, описаны служебная деятельность, участие в открытии новых земель и посольских миссиях, установлены родственные связи. Сделан вывод о преемственности и типичности фигуры Д. Копылова, соответствовавшей многим поведенческим стереотипам представителей своей служилой среды и участников пионерного освоения Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, Томск, атаман Дмитрий Копылов, Бутальский острог, экспедиция Ивана Москвитина, посольские дела, семейное окружение

Для цитирования: Каменецкий И.П. Атаман Дмитрий Копылов и его потомки на службе в Сибири в XVII в.: штрихи к портрету русского землепроходца // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 42–49. doi: 10.17223/19988613/99/5

Original article

Ataman Dmitry Kopylov's and His Descendants' Service in Siberia in the 17th Century: Touches on the Portrait of a Russian Explorer

Ivan P. Kameneckii

*Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, kameneckiiivan@mail.ru*

Abstract. The purpose of this study is to compile a portrait of the famous explorer and Tomsk Cossack ataman, Dmitry Kopylov, who organized the first expedition to the shores of the Pacific Ocean and participated in diplomatic missions to the rulers of Eastern states and Siberian nomadic polities. The research is based on published materials and archival sources, such as salary books, drawn from various archival collections.

Dmitry Yepifanovich Kopylov was a descendant of Muscovite hereditary servicemen. Like his father, who served in Tobolsk and Tomsk, he rose through the ranks from a mounted Cossack to an ataman and boyar's son. Like all Siberian officials, D. Kopylov fulfilled the duties assigned to him, the primary one being the "sovereign's profit" achieved by collecting yasak, discovering and developing new lands, and searching for ore deposits.

In the summer of 1633, the ataman was sent with a detachment to the Bratsk Ostrog to bring the "Bratsk people" under Russian subjugation. In the winter of 1636, he was sent with a detachment to the Lena River to find new lands, collect yasak, and search for silver ore. On the Yande, a tributary of the Aldan River, his Cossacks founded the Butala Ostrog. A detachment led by the pentecostal Ivan Moskvitin, dispatched by Kopylov, overcame the Dzhugdzhur Mountain Range and reached the coast of the Sea of Okhotsk. In the spring of 1640, these Cossacks sailed along the mainland to the entrance of the Amur Estuary, discovering the Shantar Islands and Sakhalin Gulf along the way. For discovering these new lands, both explorers were awarded the rank of boyar's son.

D. Kopylov also proved himself an experienced diplomat and administrator. He participated in diplomatic missions to the rulers of Mongol and Turkic peoples, including the state of the Altyn Khans and the lands of the Kirghiz and Teleuts. He also contributed to the economic development of the Middle Tom River region. In 1653, under his leadership, the Sosnovsky Ostrog was founded, which became the centre of a new agricultural district.

The ataman was not implicated in malfeasance and enjoyed authority and trust within the Tomsk "host." During the unrest of 1648-1649, his household – unlike those of other senior officials, including his sons – was not plundered by the rebellious residents of Tomsk. The ataman's sons, Nicephorus, Pyotr, Grigory, and Timothy, continued his military service as boyar's children; they too left their mark on the early history of Tomsk and Siberia as a whole.

The figure of Dmitry Kopylov – ataman, explorer, and diplomat – is in many ways typical and significant for studying and compiling historical portraits of other participants in the pioneering development of Siberia, whose personalities and activities remain subjects of considerable controversy among contemporary researchers and their predecessors.

Keywords: Siberia, Tomsk, ataman Dmitry Kopylov, Butalsky prison, Ivan Moskvitin's expedition, embassy affairs, family environment

For citation: Kameneckii, I.P. (2026) Ataman Dmitry Kopylov's and His Descendants' Service in Siberia in the 17th Century: Touches on the Portrait of a Russian Explorer. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 42–49. doi: 10.17223/19988613/99/5

Имя видного землепроходца томского атамана Дмитрия Елифановича Копылова широко известно исследователям истории Сибири. Но имеющиеся в литературе и источниках сведения о его службе и деятельности во многом ограничены лишь руководством похода его соратника Ивана Москвитина к берегам Тихого океана, другие достижения и заслуги Дмитрия Копылова, как и его потомков, историками не рассматривались. Сведение воедино разрозненных, отрывочных данных, содержащихся в различных источниках, позволяет составить более полное и целостное представление о его социальном происхождении, несении службы, семейном окружении, общем вкладе в процесс начального освоения Сибири и тем самым составить обобщенный портрет сибирского служилого человека.

Дмитрий Копылов, как и многие старожилы-первопоселенцы Томского города, происходил из потомственной служилой среды. По словам его сына, сына боярского Григория Дмитриева Копылова, заявленного на «разборе» 1680 г., его дед и отец служили в Тобольске, затем отец Дмитрия Копылова пришел в Томск «в молодых летах», где стал атаманом пеших казаков и за ясачный сбор был пожалован в Москве в дети боярские [1. С. 39]. Его родственник Василий Копылов представил несколько иную версию о своих предках. На этом же разборе он заявил, что дед родом с Москвы, в Томске служил в детях боярских, отец и он родились в Томске, где Василий был поверстан в дети боярские вместо деда по указу государя [1. С. 41].

Эти сведения подтверждаются и дополняются другими источниками. Будущий атаман впервые упоминается в Томске в 1621 г. как рядовой конный казак. В этом году он с группой товарищей отвозил отписку томских воевод князя И.Ф. Шаховского и М.И. Радилова в Тобольск разрядному воеводе боярину М.М. Годунову. В ней сообщалось о проведывании томичами пути на Ямыш-озеро, посольстве их к тайше черных калмыков Мангуту и невозможности посылки экспедиции за солью ввиду враждебных действий Алтынхана с «черными калмыками» по отношению к русским служилым людям [2. С. 313].

В 1625/1626 г. Дмитрий Копылов упоминается в томской окладной книге жалования как десятник конных казаков с окладом 7 руб. 25 алтын, 6 четей с осминой муки, по чети круп и толокна, женат [1. С. 31; 3. Л. 454]. В таможенной книге за 1627 г. имеется запись о покупке им 25 июня лошади «гнеду, грива направо» за 5 руб. [4. С. 115]. В 1630 г. он указан как пятидесятник с окладом 7 руб. 25 алтын [5. Л. 1 об.]. В 1633 г. Д. Копылов был назначен атаманом конных казаков, его хлебный оклад в 1637 г. составлял 10 четей ржи, 4 чети овса [6. С. 185]. В 1653 г. он значился в окладной книге как сын боярский с окладом 10 руб., 10 четей хлеба, 10 четей овса, служил с пашни [7. Л. 2 об.]. Такой успешный

карьерный рост, очевидно, был связан с немалыми заслугами Копылова в деле открытия и обосащивания «новых земель», возведения новых острогов, а также участия в посольских миссиях к правителям тюркских и монгольских народов.

Одна из первых поездок Д. Копылова за ясаком, отмеченных в источниках, состоялась летом 1630 г. «в Киргизы», в порубежные Кийские волости к князю Кочebaю. Вернувшись в Томск 15 августа, Д. Копылов вместе с ясаком подал воеводе Петру Пронскому от киргизских князцов письмо с жалобой на красноярских служилых людей, незаконно взимавших с них ясак, который они платили ранее в Томский город, с угрозой идти на них «войною» [2. С. 71, 421, 435].

В середине июля 1633 г. атаман Д. Копылов был послан с 50 служилыми людьми в «новой» Братский острог с наказом приведения отложившихся «бракских людей» (бурят) «лаской и приветом» к послушанию [8. С. 13, 15]. Но отряд, по данным Г. Миллера, прибыл в Енисейск с опозданием 17 сентября, и из-за «осеннего времени» поход в Братский острог не состоялся, поэтому служилые люди были возвращены домой [9. С. 223]. Однако более весомой причиной, возможно, стало противодействие томичам енисейских властей, которые, как показывает сибирская ясачная практика, нередко стремились не допустить конкурентов в богатые пушнинной районы. На этой почве нередко возникали конфликтные ситуации между енисейскими, мангазейскими, красноярскими, томскими и другими служилыми людьми [10. С. 152–153].

31 января 1636 г. Д. Копылову было выдано денежное жалование на два года с предписанием совершить дальний поход в Якутскую землю на р. Вилюю для основания острога «на способном месте» и приведения «тамошных людей» в русское подданство. По видимому, наряду со сбором ясака атаман получил указание разведать и наличие серебряной руды, сведения о которой были известны еще в 1620-е гг. Неудачная большая «серебряная» экспедиция енисейского воеводы Я.И. Хрипунова, состоявшаяся в 1628–1629 гг., не остановила стремление правительства в поиске рудных месторождений и их разработке [11. С. 141–148; 12. С. 284–329]. Для выполнения поставленной задачи в распоряжение Д. Копылова было предоставлено 50 служилых людей (10 конных казаков и 40 пеших), которые получили денежное жалование вперед на полтора года, а «хлебные и соляные запасы» они должны были получить в Енисейске [8. С. 13, 15; 13. С. 42–43].

10 марта 1636 г. отряд прибыл в Енисейск, где атаман предъявил отписку томских воевод о выдаче его людям хлебных и соляных окладов в размере 493 чети муки ржаной, 120 четей круп и толокна, 2 четей овсяной муки, 103 пуда соли. Но целовальники, поддержанные красноярскими служилыми людьми, прибывшими в Ени-

сейс также за хлебом, отказались выполнять распоряжение воеводы П. Соковникова. Красноярские казаки, используя свое численное преимущество, вооружившись ослопами, «от амбаров Копылова с его людьми отбили прочь». Возникший конфликт разрешился все же в пользу отряда томичей, но впоследствии Москва указала томским воеводам снаряжать новые экспедиции, исходя из своих запасов [9. С. 239; 14. С. 255–256].

Выполняя воеводский наказ, отряд Копылова по р. Алдан достиг устья р. Май, и выше ее устья на р. Янде казаками было основано в Бутальской земле укрепленное Бутальское зимовье. «Воинские люди» – якуты и тунгусы, пытавшиеся не допустить постройки укрепления, были разбиты; по словам служилых людей, они «берег взяли, и острог поставили июля в 20 день», после чего атаман приступил к объяснению местным тунгусов и зиланских якутов [2. С. 587; 9. С. 77, 462; 10. С. 152; 15. С. 29–30]. В «зиланских улусах» отряд Копылова, по преувеличенному, очевидно, данным Г. Миллера, захватил у якутов богатую добычу – 300 лошадей и 300 голов рогатого скота. Однако воспользоваться столь большим «погромным животом» казакам не удалось. Поскольку поход на якутов не был согласован с местными приказчиками, то на почве соперничества за ясачные уголья у посланных за ясаком казаков Д. Копылова произошло вооруженное столкновение с отрядом енисейского сына боярского Петра Ходырева, завершившееся победой последнего. Отряд Ходырева пленил 15 томичей, изъяв у них захваченный скот, который по указу воеводы велено было возвратить прежним владельцам [9. С. 78].

Причину конфликта между енисейскими и томскими служилыми людьми каждая из сторон трактовала по-своему. По свидетельству Ходырева, люди Копылова многих ясачных людей, которые раньше платили ясак в недавно отстроенный Ленский острог, переименованный вскоре в Якутск, «повоевали» и «их Сыланских и Батульских мужиков, лутчих людей, князцов побили, а жоны их и дети с собою в полон поимали, а скот де их и лошади и коровы к себе отогнали». Кроме того, Ходырев сообщил, что когда он настиг часть отряда Копылова, то его казаки оказали вооруженное сопротивление, первыми начали стрелять и ранили четырех его людей.

В свою очередь, плененные томские казаки Фомка Федоров и Вторка Гаврилов представили свою версию о произошедшем конфликте. В расспросе в Енисейской приказной избе казаки утверждали, что ходили они в «новые земли» и ясачных людей не воевали. Не отрицая факта захвата скота в якутских улусах, они заявили, что «неясачных людей не побивали, и жен и детей ни имывали ни одного человека», и сопротивление отряду Ходырева не оказывали [16. С. 232–234]. Одной из возможных причин конфликта, по мнению Г. Миллера, было то, что Копылов во время нахождения в Ленском остроге самовольно и «насилно» взял с собой в проводники тунгусского толмача. При этом, по словам Г. Миллера, сам Ходырев проявил жестокость и корысть: приказал перебить сопровождавших отряд Копылова около тридцати якутов и захватил отбитый Копыловым у якутов скот. Воеводским указом было

велено возвратить скот прежним владельцам, а захваченных Ходыревым казаков вернуть Копылову [9. С. 78].

Военное столкновение служилых людей Ходырева и Копылова не было каким-то частным, случайным явлением в стремительном продвижении русских на северо-восток Сибири. Оно во многом отражало сложившуюся стихийную, слабо контролируемую правительством обстановку, возникшую на р. Лене в первые десятилетия освоения ее пушных богатств служилыми и промышленными людьми при отсутствии в «Ленской земле» еще твердой государственной власти. С.В. Бахрушин со свойственным ему литературным талантом точно заметил: «На Лену и дальше на восток ринулись искатели добычи и приключений отовсюду, изо всех углов русской Сибири – из Мангазеи, из Енисейска, из Тобольска и даже из Томска: служилых людей охватила какая-то горячка – шли вперед на свой риск, в погоне за наживой» [10. С. 152].

Во время несения службы в Бутальском острожке Д. Копылов получил сведения о наличии серебряной горы от взятого в аманаты в устье р. Янды тунгусского шамана Томконя. Шаман сообщил, что «есть де близко моря-окиан река Чиркол, а на той реке гора, а в ней серебряная руда, а около тое руды живут в орде сиделые многие люди... а ис той руды плавают серебро. А у тех сиделых людей во всех деревнях устроены пашни и лошадей и всякой животины много» [11. С. 152]. Эти сведения подтвердили другие аманаты, которые утверждали, что на указанной реке нет городов и крепостей и путь туда вполне доступен. Возможно, речь шла о р. Амур, которая была еще неизвестна и недостижима русским землепроходцам.

Руководствуясь полученными сведениями, Копылов принял решение отправить на поиски серебряной горы и для приискания новых земель на «большое море океан, по тунгусскому языку на ламу» часть своего отряда (31 человек) под началом пятидесятника Ивана Юрьева Москвитина. Отряду было поручено разведать «про земли, которые сидят около серебряной горы и которые земли блиско моря, которые мочно привести под ево государеву высокую руку» [11. С. 189]. Сам Копылов с небольшим отрядом остался в основанном им укрепленном зимовье для приведения местных тунгусов в русское подданство и сбора ясака.

Экспедиция Москвитина поднялась до устья притока р. Май Юдомы, перевалила через горы, достигла р. Ульи и спустилась по ней вниз к Охотскому морю. Недалеко от устья Ульи на берегу моря было поставлено небольшое «зимовье с острожком», ставшее первым русским поселением на берегу Охотского моря. Весной 1639 г. на построенных кочах казаки произвели обследование значительной части морского побережья. От местных приморских народов казаки получили новые сведения о серебряной горе Оджал и в поисках ее на одном коче сумели достичь устья Амура. Но, увидев там большое количество лодок нивхов, побоялись идти дальше из-за своей малочисленности. Отряд Москвитина благополучно вернулся обратно в Бутальский острожек, сообщив Копылову о своих открытиях, о чем последний известил в Якутск, а по возвращении – в Томск [9. С. 79–80; 10. С. 152; 17. С. 58].

О трудностях несения службы «на Ламе» (Охотском побережье) и невыплате государева жалования сообщил участник экспедиции И. Москвина томский казак Афанасий Немчин. В своей челобитной на имя царя он утверждал, что служил «на Ламе три года без твоего государева жалования, голод и нужу многую терпел, и душу, государь, свою грешную сквернил: сосну дерева и всякую поганую гадину ел», но заслуженного жалования по приходу в Якутск не получил [2. С. 587].

Осенью 1639 г. Д. Копылова сменил в Бутальском зимовье сын боярский Остафий Михалевский, который принял у него 23 казака и не более 4 пудов муки, после чего атаман вернулся на прежнюю службу в Томск [9. С. 81].

За приискание новых земель Д. Копылов был удостоен чина сына боярского с повышением оклада, но служил по-прежнему без хлебного жалования, так как имел пашню, с которой получал 30 четей ржи, 17 четей овса, 12 четей ячменя, 4 чети пшеницы; в земельном обороте имелось также 27 десятин перелога [6. С. 185; 18. Л. 147]. Наличие такого значительного урожая может свидетельствовать о продаже им излишков хлеба на рынке и использовании наемного труда, который нередко практиковался среди верхушки томского гарнизона.

В 1641 г. атаман был направлен на р. Сосновку для прииска свободной земли для заведения пашни, но по возвращении заявил, что там крестьян из-за набегов калмыков «устроить немощно» [19. С. 83]. Спустя 15 лет Копылов с сыном боярским Юрием Ядловским вновь ездил досматривать землю под десятинную пашню взамен «выпаханных земель». На этот раз дозорщики приискали в 40 верстах от Томска за р. Сосновкой около 1 000 десятин «доброй земли», где вскоре «от калмаков и киргизцов... для обереганья от сполошного времени» служилыми людьми во главе с указанными лицами был возведен Сосновский острог с тремя башнями и крепостной стеной [2. С. 630–631; 20. С. 235].

В сохранившихся источниках отмечена причастность Д. Копылова к отдельным событиям, происходившим в Томске и в сибирском «войске» в целом, характеризующая его активную позицию в отстаивании насущных интересов служилого мира и своих собственных и осторожность в поведении по отношению к официальной власти и возникавшим общественным потрясениям.

В 1634 г. Д. Копылов извещал о грабеже Тобольской Софийской и архиепископской казны, находившейся в Маковском остроге, и пушнины тобольского атамана Гаврилы Попова томскими казаками Ивашкой Грызовым «с товарищи» [21. Л. 14]. По словам воеводы Осипа Щербатого, казаки «взяли денег тысячу триста рублей, oprич мяжкой и платья и иной кое-какой рухляди, и за то воровство ис тех казаков пушних воров велено повесить, а иным вора́м наказанье чинить жестокое, и грабежные животы на них все доправить» [22. С. 357; 23. С. 109–110].

В этом же году он судился по неизвестному поводу с женой томского пешего казака «из новоприборных людей» Клина Медведева [21. С. 14, 22]. В 1635 г. атаман подписался под челобитной служилых людей

в Сибирский приказ о выдаче им панцирей для борьбы с хорошо оснащенными воинственными кочевниками [1. С. 156]. В 1642 г., находясь в Москве с ясачной казной, Д. Копылов был спрошен в Сибирском приказе о смуте, произошедшей в отряде Я. Тухачевского во время похода «в киргизы». Будучи хорошо информирован о тех бурных событиях, он тем не менее уклонился от ответа, заявив: «..никто, мол, не знал о них» [24. Л. 353, 355; 25. С. 60].

По-видимому, атаман имел лояльное отношение к воеводской власти, пользовался ее доверием и расположением, а потому выполнял весьма ответственные ее поручения. Накануне томской смуты 1648–1649 гг. вместе со своим спутником И. Москвитиним, ставшим атаманом, был вновь направлен в Москву с ясачной казной, откуда привез в Томск денежную казну на огромную сумму – 2 000 руб. – на выплату жалования служилым людям и другие расходы [22. С. 173–174].

В ходе восстания в Томске в 1648–1649 гг. атаман занимал двойственную позицию, меняющуюся в зависимости от изменения обстановки в городе. В начале восстания он был сторонником второго воеводы Ильи Бунакова, но по мере размаха смуты отошел от радикально настроенных элементов, за что был бит кнутом бунаковцами; в последующем занял нейтральную выжидательную тактику.

В конце апреля 1648 г. атаман пять суток прятал от бунаковцев сына боярского Ивана Петрова, активного сторонника воеводы О. Щербатого. 31 июля 1648 г. Д. Копылов был вызван в съезжую избу с прибывшим из Москвы дьяком Михаилом Ключаревым, с которым безуспешно пытался примирить враждующих воевод – О. Щербатого и И. Бунакова. 30 октября 1648 г., «боясь убойства», бежал со смотра войск, организованного Бунаковым, и отказался вместе с другими противниками воеводы подписать «запись» о его поддержке, но под давлением восставших томичей вынужден был выполнять их поручения. 17 мая 1649 г. решением служилого мира его отправили на заставу на остров р. Томи, чтобы не пропустить людей воеводы Щербатого, направленных с его письмами, извещавшими о событиях томской смуты, в Тобольск [22. С. 250, 289, 312].

Несмотря на то, что атаман не примкнул к повстанцам, среди служилых людей он пользовался немалым авторитетом и доверием. Его двор и имущество, в отличие от других начальных лиц, в том числе и его взрослых сыновей – сторонников Щербатого, не были разграблены восставшими. Имя Д. Копылова не упоминалось в мирских челобитных, обличающих «ушников» томских воевод, погрязших в злоупотреблениях, а также в письмах О. Щербатого, в свою очередь, обвинявших своих противников также во многих совершенных прегрешениях. В силу этих обстоятельств он не был привлечен к следствию по делу о томском бунте и сохранил свое положение в городе и после окончания смуты.

Д. Копылов проявил себя не только умелым администратором и успешным землепроходцем, но и опытным дипломатом. С учетом знания особенностей отношений и взаимодействия с коренными народами Сибири его часто направляли «в дальнии посылки»

в «немирные земли» и с посольствами в государства монгольских и других правителей

12 сентября 1630 г. он возил киргизским князьям «сукно красное изорочное» для склонения их в русское подданство, вернулся 18 января [5. Л. 1 об.]. Очередной раз ездил к киргизам после 7 марта, вернулся 15 августа [2. С. 434–435]. 10 мая 1635 г. вместе с томскими казаками Д. Семёновым, И. Якимовым, И. Ульяновым, красноярским служилым человеком В. Пеуновым был послан к влиятельному тангутскому ламе (лабе) Даин Мерген-Ланзу в Тибетскую землю. Целью поездки было заручиться поддержкой ламы в деле приведения енисейских киргиз «под высокую государеву руку» и установления торговых связей с «Мунгальской землей» [2. С. 73, 161; 26. С. 266, 279]. Однако Копылов со своими спутниками не достигли владений далекого Тибета. Духовный наставник монголов сам вскоре прибыл в киргизские кочевья, где, встретившись с русскими посланниками в не указанном источником месте, заявил, что «пришел от Алтын царя приводить киргизских людей под государеву царскую высокую руку». Как справедливо показала Н.П. Шастина, истинной целью ламы было не склонение местного населения в русское подданство, а получение «государева жалования» и пропаганда ламаистских идей среди енисейских киргизов [27. С. 46].

Несмотря на то, что посольская миссия Копылова не увенчалась успехом и договоренность в отношении подчинения киргизов не была достигнута, она привела к некоторым положительным результатам. 9 июня 1635 г. в Красноярский острог пришли 17 торговых людей от лабы Даин Мерген-Ланзу и Алтын царя. Торговцы пригнали на продажу 100 лошадей, в которых остро нуждались местные служилые люди, чьи лошади накануне были угнаны киргизами [2. С. 73, 495, 497].

Весной 1636 г. Алтын-хан и Мерген-ланзу отправили также в Томск большое посольство с Дуралтабунангом с целью наладить постоянную торговлю с русскими городами. В последующие годы торговые связи русской Сибири с монгольскими государствами, несмотря на существующие политические разногласия, еще более усилились, приобретая со временем устойчивый взаимовыгодный характер.

Поездки с посольством к северным монголам совершались Копыловым и в последующие годы. Его «послование», сопровождаемое непременно «государевым жалованием», производило хорошее впечатление на монгольских правителей, поскольку в 1650 г. Алтын-хан вновь просил послать к нему «для справки прежних посольств» томских детей боярских Д. Копылова, С. Гречанинова, П. Собанского [26. С. 366–367].

Большое беспокойство русским властям доставляли воинственные кочевники юга Западной Сибири – телеуты. В июле 1658 г. Д. Копылов возглавил большое представительное посольство (11 человек) к телеутскому князю Коке Абакову. Русским послам удалось склонить князю Коку и Мачика к приему шерти на верность русскому царю с обязательством быть «в вечном холопстве неотступно навеки», не совершать набеги на русские города и уезды, не чинить «обид» русским и ясачным людям. Телеутские правители так-

же обещали вернуть томичам отнятых у предыдущих русских послов лошадей и свою помощь в объяснении порубежных Саянской и Точинской волостей. В свою очередь, Д. Копылов сообщил о разрешении князьям направить свое посольство в Москву, которое вскоре состоялось, а также об отпуске русскими «полоненного» ясыря и свободном торге телеутов с Кузнецком и Томском [28. С. 214; 29. С. 101–102]. В целом поездку Копылова в «калмыки» и посольство телеутов в Москву можно считать успехом русской дипломатии, благодаря им был заключен первый союзный договор между сторонами и временно предотвращены частые и разорительные набеги на русские владения.

До конца жизни атаман с большой семьей жил в Томске. Его дворовое строение находилось в Береговом посаде р. Томи, входившем в состав Богоявленского прихода. В посаде проживали известные в Томске представители «служилой аристократии»: сыны боярские Прокофий и Василий Бубенной, Игнатий и Иван Ядловские, пятидесятник Фёдор Рудаков, подьячие Иван Тарасукин и Андрей Узков, дьякон Богоявленской церкви Дмитрий Петров и другие известные в Томске лица. Очевидно, его двор имел большие размеры и другие преимущества, поскольку в нем в 1634 г. останавливались послы Алтын-хана, пришедшие с русским посольством дворянина Якова Тухачевского. В 1639 г. его жилое строение было куплено казной за большую сумму – 50 руб., и взято под «житье» присланному из Москвы дьяку Д. Жеребилову [30. С. 21].

Д. Копылов имел четырех сыновей: Никифора, Петра, Григория и Тимофея, продолживших его службу в качестве начальных людей и оставивших свой след в начальной истории Томска и Сибири в целом. Никифор Дмитриев Копылов, очевидно, старший сын, участвовал в походе с отцом в Якутскую землю. В 1639 г. он был отправлен Дмитрием с группой казаков за продовольствием к якутам на р. Амгу и вернулся со стадом скота [9. С. 78–79]. Дальнейшая его судьба источниками не прослеживается.

Пётр Дмитриев Копылов был верстан в сыны боярские в 1639 г. в место Бажена Карташова с окладом 13 руб. [18. Л. 147]. В июне 1646 г. в составе большой делегации (10 человек) он был направлен с посольством «в Киргизы» в верховья Енисея. В наказе ему было предписано привести местных киргизских князю Табуна, Бектеня, Иженя-Мергеня, Кенчибея, Талая, Кояна к «крепкой шерти», чтоб они «в государевы ясачные волости не выезжали» и государевых ясачных людей не грабили и к себе в Киргизы не имали» и «в Томской город бы со всякими товары торговать приходили безопасно» [31. С. 126]. Кроме того, он должен был проведать вести о «воинских людях» в Киргизской земле и их намерениях в отношении русских поселенцев. Его миссия завершилась частичным успехом. Получив государево жалование – сукна, мед и вино, киргизские князья и лучшие люди принесли шерть на верность русскому государю, которая, впрочем, вскоре была нарушена, и нападения на русские владения продолжались [28. С. 215; 31. С. 127–128].

В ходе восстания 1648 г. в Томске Пётр с братом Тимофеем были советниками воеводы князя О. Щер-

батога. По свидетельству участников мирской челобитной, они по приказу князя «збивали» посадских и служилых людей с «калмыцкого торгу», т.е. монополизировали торговлю с калмыками в пользу воеводы и свою, за что навлекли на себя большое недовольство восставших томичей, разграбивших в ходе смуты их дворы [32. С. 222].

Источники сохранили отдельные сведения о взрослом сыне Петра Копылова Фёдоре Петрове Копылове, который также служил в Томске сыном боярским. Он упоминается в именных окладных книгах 1666 и 1672 гг. с окладом 11 руб., 11 четей ржи, 11 четей овса, 3 пуда соли, служил с пашни [33. Л. 97; 34. Л. 549 об.; 35. Л. 104 об.]. В 1705 г. кроме пашенной заимки на р. Большой Куртук, расположенной «в межах», с сыном боярским Григорием Старковым владел «птичьими путиками» – участком леса, богатым боровой дичью, за указанной речкой [36. Л. 19]. Другой сын Василий Петров Копылов в 1680 г. служил с окладом 10 руб., 10 четей ржи, 10 четей овса, 2 пуда соли, имел пашню [1. С. 41]. Его сын Афанасий Васильев Копылов в 1706 г. также значился сыном боярским [7. Л. 15 об.].

Третий сын Дмитрия Копылова Григорий Дмитриев Копылов, как и его братья, состоял в детях боярских. В ходе восстания в Томске был на стороне отставленного воеводы О. Щербатого, за что был бит вместе с другими его сторонниками восставшей толпой и посажен в тюрьму [22. С. 51, 53]. В 1664 г. он имел оклад 11 руб., 10 четей ржи, 6 четей овса, служил «с пашни» [37. Л. 30; 38. Л. 11 об.]. Его сын Федор Григорьев Копылов имел заимку в межах с конным казаком Фаддеем Бахметьевым, владел сельскохозяйственными угодьями – пашней в 4 десятины и сенокосом [39. Л. 15 об.]. В 1706 г. он упоминается среди служилых людей в томском гарнизоне как сын боярский [7. Л. 15 об.].

Четвертый сын Д. Копылова Тимофей Дмитриев Копылов также служил сыном боярским. В ходе смуты, как уже сказано, был «советником» низложенного князя О. Щербатого. За «ушничество» и выполнение воеводских непопулярных указаний 12 апреля 1648 г. Тимофей был арестован и побит восставшими. При погроме его двора, по словам пострадавшего, он понес убытков на 370 руб., двое его дворовых людей были убиты. Находясь в тюрьме, Тимофей пытался безуспешно объявить за собой «государево дело». 13 июля

его хотели бить кнутом на козлах, но в последний момент круг освободил его от наказания, возможно, не без просьбы своего влиятельного отца атамана. После мая 1649 г. Тимофей сумел выкупиться из тюрьмы и был отправлен в Тобольск с каким-то поручением восставших. Оттуда в конце ноября 1650 г. он писал своим братьям о ходе проведения сыска над активными участниками восстания [22. С. 33, 56, 96, 108, 118, 123, 131, 240, 310, 347]. В 1653 г. Тимофей упоминается в Томске в прежнем чине с хлебным окладом 10 четей ржи, 4 чети овса, без пашни. Умер он в 1654 г., в его место поверстан сын боярский Василий Протопопов с тем же окладом [40. Л. 3 об., 4 об.].

Таким образом, послужной список атамана Д. Копылова не ограничивался лишь походами в «неведомые земли», основанием Бутальского и Сосновского острогов и выходом его отряда к берегам Тихого океана. В служебной деятельности атамана большое место занимали поездки с посольскими миссиями в монгольские государства и сибирские потестарные образования, сопровождавшиеся, как правило, определенным успехом, и другие практические дела, связанные с укреплением русской власти в колонизируемой русскими Сибири.

Служба его потомков, как и многих других землепроходцев и первопоселенцев Сибири, отличалась сохранением потомственной преемственности и большим разнообразием выполняемых функций. В ней тесно переплетались походы за ясаком, открытие «новых земель» с другими административными и посольскими делами, участием в социальных движениях, хозяйственных занятиях и других сферах деятельности в сложных условиях колонизации Сибири.

Фигура томского атамана, землепроходца и дипломата Дмитрия Копылова во многом является типичной и знаковой для изучения и составления исторического портрета других участников пионерного освоения Сибири, личность и деятельность которых вызывает немалые споры современных исследователей [41]. Выполнявшиеся Д. Копыловым и его потомками служебные и социальные функции во многом соответствовали всем поведенческим стереотипам своей служилой среды, характерным для большинства русского старожильческого населения Сибири, внесшего немалый вклад в ее освоение и вхождение в состав Российского государства.

Список источников

1. Томск в XVII веке : материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив.-доц. П.М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII в. СПб. : В.А. Горохов : Русская скоропечатня, 1912. 169 с.
2. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М. : Восточная литература РАН, 2000. Т. 2. 796 с.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11.
4. Таможенные книги сибирских городов XVII века / авт.-сост.: З.В. Башкатова, И.Р. Соколовский, И.П. Каменецкий, Е.А. Есипова; гл. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1999. Вып. 2: Туринск, Кузнецк и Томск. 124 с.
5. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 530. Оп. 1. Д. 1-а.
6. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Серия историко-филологическая. 1950. Т. 112. С. 23–210.
7. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1518.
8. Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера : (описи копийных книг в двух томах). Новосибирск : Сибирский хронограф, 1995. Т. 2. 305 с.
9. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М. : Восточная литература РАН, 2005. Т. 3. 598 с.
10. Бахрушин С.В. Русское продвижение за Урал // Бахрушин С.В. Научные труды. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 3, ч. 1. С. 137–160.
11. Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: у истоков российской промышленной политики. М. : Древлехранилище, 2005. 324 с.

12. Бродников А.А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2019. 382 с.
13. Якутия в XVII веке : (очерки) / под ред. С.В. Бахрушина, С.А. Токарева. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1953. 439 с.
14. Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии. Енисейский и Красноярский уезды : дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2016. 440 с.
15. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми. М. : Наука, 1987. 176 с.
16. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1846. Т. 2: 1613–1645. 279 с.
17. Полевой Б.П. Первый русский поход на Тихий океан в 1639–1641 гг. в свете этнографических данных // Советская этнография. 1991. № 3. С. 56–69.
18. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70.
19. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 252 с.
20. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1989. 304 с.
21. ГАТО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 1-а.
22. Покровский Н.Н. Томск. 1648–1649 г. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск : Наука, 1989. 388 с.
23. Резун Д.Я. К изучению менталитета сибирских землепроходцев XVII в. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI – XX вв. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. С. 101–111.
24. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Стб. 84.
25. Резун Д.Я. Русские в Среднем Причумылье в XVII–XIX вв. : (проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1984. 196 с.
26. Русско-монгольские отношения. 1636–1654 : сб. документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М. : Наука, 1974. 469 с.
27. Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М. : Изд-во вост. лит., 1959. 182 с.
28. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768). М. : Университетская тип., 1895. Ч. 1. 421 с.
29. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск : Наука, 1980. 296 с.
30. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири : историко-этнографические очерки. Новосибирск : Наука, 1992. 200 с.
31. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан : Хакасский гос. ун-т, 1995. 250 с.
32. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск : Наука, 1991. 401 с.
33. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 479.
34. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 566.
35. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 549.
36. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1371.
37. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 438.
38. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 466.
39. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1452.
40. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 368.
41. Никитин Н.И. История казачества: аспекты научные и политические. М. : Директ-Медиа, 2022. 488 с.

References

1. Anon. (1912) *Tomsk v XVII veke: materialy dlya istorii goroda so vstupil'noy i zaklyuchitel'noy stat'yami prv.-dots. P.M. Golovacheva i kartoy okrestnostey Tomskaya kontsa XVII v.* [Tomsk in the 17th Century: Materials for the History of the City with Introductory and Concluding Articles by Assoc. Prof. P.M. Golovachev and a Map of the Vicinity of Tomsk at the End of the 17th Century]. St. Petersburg: V.A. Gorokhov, Russkaya Skoropechatnya.
2. Miller, G.F. (2000) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences.
3. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 11.
4. Rezun, D.Ya. (ed.) (1999) *Tamozhennyye knigi sibirskikh gorodov XVII veka* [Customs Books of Siberian Cities of the 17th Century]. Vol. 2. Novosibirsk: RIPEL plyus.
5. The State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 530. List 1. File 1-a.
6. Boyarshinova, Z.Ya. (1950) *Naseleniye Tomskogo uyezda v pervoy polovine XVII v.* [Population of Tomsk Uyezd in the First Half of the 17th Century]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuybysheva. Seriya istoriko-filologicheskaya.* 112. pp. 23–210.
7. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 1518.
8. Anon. (1995) *Aktovyye istochniki po istorii Rossii i Sibiri XVI–XVIII vekov v fondakh G.F. Millera: (opisi kopiyinykh knig v dvukh tomakh)* [Documentary Sources on the History of Russia and Siberia in the Collections of G.F. Miller: (Inventories of Copy Books in Two Volumes)]. Vol. 2. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
9. Miller, G.F. (2005) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 2nd ed., suppl. Vol. 3. Moscow: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences.
10. Bakhrushin, S.V. (1955) *Russkoe prodvizhenie za Ural* [The Russian Advance beyond the Urals]. In: *Nauchnye Trudy* [Scientific Works]. Vol. 3(1). Moscow: USSR AS. pp. 137–160.
11. Kurlaev, E.A. & Mankova, I.L. (2005) *Osvoenie rudnykh mestorozhdeniy Urala i Sibiri v XVII v.: u istokov rossiyskoy promyshlennoy politiki* [The Development of Ore Deposits in the Urals and Siberia in the 17th Century: At the Origins of Russian Industrial Policy]. Moscow: Drevlekhranilishche.
12. Brodnikov, A.A. (2019) *Yeniseysk i Yeniseyskiy uezd (ocherki iz istorii XVII veka)* [Yeniseisk and Yenisei Uyezd (Essays from 17th Century History)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
13. Bakhrushin, S.V. & Tokarev, S.A. (eds) (1953) *Yakutiya v XVII veke: (ocherki)* [Yakutia in the 17th Century: (Essays)]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo.
14. Barakhovich, P.N. (2016) *Sluzhiloe naselenie Tsentral'noy Sibiri v XVII stoletii. Yeniseyskiy i Krasnoyarskiy uyezdy* [The Service Class Population of Central Siberia in the 17th Century. Yenisei and Krasnoyarsk Uyezds]. History Cand. Diss. Krasnoyarsk.
15. Nikitin, N.I. (1987) *Sibirskaya epopeya XVII veka. Nachalo osvoeniya Sibiri russkimi lyud'mi* [The Siberian Epic of the 17th Century. The Beginning of the Russian Exploration of Siberia]. Moscow: Nauka.
16. The Russian Empire. (1846) *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym Arkheograficheskoy komissiiy* [Additions to Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa.
17. Polevoy, B.P. (1991) *Pervyy russkiy pokhod na Tikhiiy okean v 1639–1641 gg. v svete etnograficheskikh dannykh* [The First Russian Campaign to the Pacific Ocean in 1639–1641 in the Light of Ethnographic Data]. *Sovetskaya etnografiya.* 3. pp. 56–69.
18. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 70.
19. Emelyanov, N.F. (1980) *Naselenie Srednego Priob'ya v feodal'nyu epokhu (sostav, zanyatiya, povinnosti)* [The Population of the Middle Ob Region in the Feudal Era (Composition, Occupations, Obligations)]. Tomsk: Tomsk State University.

20. Rezun, D.Ya. & Vasilevskiy, R.S. (1989) *Letopis' sibirskikh gorodov* [Chronicle of Siberian Cities]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
21. The State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 530. List 1. File 1-a.
22. Pokrovskiy, N.N. (1989) *Tomsk. 1648–1649 g. Voevodskaya vlast' i zemskie miry* [Tomsk. 1648–1649. Voivode Power and Zemstvo Communes]. Novosibirsk: Nauka.
23. Rezun, D.Ya. (2005) K izucheniyu mentaliteta sibirskikh zemleprokhodtsev XVII v. [Towards a Study of the Mentality of Siberian Explorers of the 17th Century]. In: *Obshchestvennaya mysl' i traditsii russkoy dukhovnoy kul'tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI–XX vv.* [Social Thought and Traditions of Russian Spiritual Culture in Historical and Literary Monuments of the 16th–20th Centuries]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 101–111.
24. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 84.
25. Rezun, D.Ya. (1984) *Russkie v Srednem Prichulye v XVII–XIX vv.: (problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya malykh gorodov Sibiri)* [Russians in the Middle Chulym Region in the 17th–19th Centuries: (Problems of the Socio-Economic Development of Small Towns in Siberia)]. Novosibirsk: Nauka.
26. Zlatkin, I.Ya. & Ustyugov, N.V. (eds) (1974) *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1636–1654* [Russian-Mongolian Relations. 1636–1654]. Moscow: Nauka.
27. Shastina, N.P. (1959) *Russko-mongol'skie posol'skie otnosheniya XVII veka* [Russian-Mongolian Diplomatic Relations of the 17th Century]. Moscow: Vostochnaya literatura.
28. Ogloblin, N.N. (1895) *Obzrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768)* [Overview of the Files and Books of the Siberian Department (1592–1768)]. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tip.
29. Umanskiy, A.P. (1980) *Teleuty i russkie v XVII–XVIII vekakh* [The Teleuts and Russians in the 17th–18th Centuries]. Novosibirsk: Nauka.
30. Lyutsidarskaya, A.A. (1992) *Starozhily Sibiri: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Old Settlers of Siberia: Historical and Ethnographic Essays]. Novosibirsk: Nauka.
31. Butanaev, V.Ya. & Abdykalykov, A. (1995) *Materialy po istorii Khakasii XVII – nachala XVIII vv.* [Materials on the History of Khakassia in the 17th – Early 18th Centuries]. Abakan: Khakass State University.
32. Aleksandrov, V.A. & Pokrovskiy, N.N. (1991) *Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v.* [Power and Society. Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk: Nauka.
33. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 479.
34. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 566.
35. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 549.
36. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 1371.
37. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 438.
38. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 466.
39. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 1452.
40. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 368.
41. Nikitin, N.I. (2022) *Istoriya kazachestva: aspekty nauchnye i politicheskie* [History of the Cossacks: Scientific and Political Aspects]. Moscow: Direkt-Media.

Сведения об авторе:

Каменецкий Иван Павлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: kameneckiiivan@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kamenetskii Ivan. P. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Russian History, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kameneckiiivan@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 13.02.2023; accepted for publication 21.01.2026